

Book Review

Agadjanian, A.S. Review of *Praying with the Senses: Contemporary Orthodox Christian Spirituality in Practice*, edited by S. Luehrmann. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 4, pp. 184–187. <https://doi.org/10.31857/S086954150006200-0> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Alexander Agadjanian | <http://orcid.org/0000-0001-9259-5133> | grandrecit@gmail.com | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaia Sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russia)

© Н.А. Кутягин. Рец. на: *Религии и радикализм в постсекулярном мире* / Под ред. Е.И. Филипповой, Ж. Радвани. М.: ИЭА РАН; Горячая линия—Телеком, 2017. 326 с.

Рецензируемый сборник охватывает более широкий диапазон тем, нежели можно предположить исходя из его названия. Как пишут в самом начале его редакторы-составители Е.И. Филиппова и Ж. Радвани, российские исследователи совместно со своими французскими коллегами осветили темы, объединенные в три основных блока: “Государство и конфессии: возвращение религии в публичную сферу”, “Религии и общество: поиск новых смыслов или поле для конфликта?” и “Религиозность и современные формы радикализма”. Структура сборника такова, что непосредственно проблеме радикализма посвящен лишь последний раздел, а все предыдущие скорее дают представление об общей ситуации в постсекулярных обществах Франции и России, о роли государства и о некоторых особенностях, проиллюстрированных данными, полученными в результате полевых исследований. Публикации сборника предшествовал исследовательский семинар на тему “Христиане и мусульмане в России и во Франции: интеграция и новые вызовы”; краткое содержание состоявшейся в ходе семинара дискуссии помещено в Приложении. География исследований достаточно обширна — она включает в себя Францию, Ближний Восток и ряд регионов России: Московскую область, Чеченскую Республику, Республику Татарстан, Республику Ингушетию, Республику Адыгею, Карачаево-Черкесскую Республику и др. Исследования затрагивают различные конфессии: от православия и ислама до новых религиозных движений.

Книгу открывает статья Е.И. Филипповой, которая, с одной стороны, служит введением в концептуальное осмысление современной ситуации в сфере религии, а с другой — привлекает для иллюстрации примеры из остальных работ данного сборника. Из трех возможных подходов: десекуляризации, ультрасекуляризации и постсекулярности — предпочтение отдается последнему. Стоит обратить внимание, что теоретиков постсекулярности достаточно много (Ч. Тейлор, Т. Асад, С. Жижек и многие другие), и само по себе постулирование приверженности к этому подходу не гарантирует теоретического единства. К тому же в последнее время тезис теоретиков постсекулярности о том, что такие понятия, как “секулярное” и “религиозное”

Никита Александрович Кутягин | <https://orcid.org/0000-0002-4244-2283> | nikitakutyavin@yandex.ru | аспирант Института истории и социологии | Удмуртский государственный университет (ул. Университетская 1, Ижевск, Удмуртская республика, 426034, Россия)

в их современном понимании возникли только в Новое время, приведенный в статье Е.И. Филипповой, подвергается критике, и появление данной дилеммы, судя по всему, может быть отнесено уже к европейскому Средневековью, если не к более раннему периоду (см.: Апполонов 2018). Это, однако, лишь детали, которые не отменяют релевантность подхода при исследовании современности. Основная идея перехода к пострелигии и постсекулярности, когда границы между теологией и наукой, верой и идеологиями, конфессией и национальностью постепенно размываются, проходит красной нитью через все работы. Конечно, на Западе существует теоретический материал, специально разрабатываемый такими авторами, как Р. Жирар, М. Юргенсмайер или У. Кавано, для изучения религиозного насилия. В рамках рецензируемого сборника он задействован не был, поэтому его апробация на отечественном материале остается на будущее.

В статье Ж. Радвани “Ислам во Франции и в России: новые реалии, новые вызовы” дается краткий сравнительный анализ положения ислама в обеих странах. Автор указывает на сходства и различия в истории мусульманских общин этих государств и особенности их интеграции на современном этапе. Проблемы исламских мигрантов на территории с преимущественно христианским населением в обоих случаях оказываются примерно одинаковыми — ксенофобия, трудности с жильем и трудоустройством, геттоизация, распространение фундаменталистских взглядов. При этом Ж. Радвани, кажется, несколько преувеличивает угрозу со стороны российских ультраправых радикалов, поскольку приводит в качестве примера такого рода организаций давно запрещенное и распавшееся Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) (с. 23), которое он сравнивает с французским Национальным фронтом, хотя первое никогда не было официально зарегистрированной партией и о его попадании в отечественный парламент не могло быть и речи.

Первый раздел начинается со статьи члена французской Наблюдательной комиссии по соблюдению принципа светскости Алена Кристнахта (“Христианство, ислам и Французская Республика”), которая представляет из себя краткий обзор французской политики в сфере религии и ее исторических истоков, начиная с первого противостояния папства и королевской власти в XII в. и заканчивая современностью. Текст был переведен с французского, и, кажется, в одном месте присутствует ошибка: в связи с Великой французской революцией говорится о том, что в результате нее был “установлен культ разума, а затем культ сверхчеловека” (с. 30), хотя в изначальном тексте во втором случае речь шла, скорее всего, о “culte de l’Être suprême”, деистической вере в “Высшее существо”. Общей темой, связывающей две следующие статьи за авторством Р.Н. Лункина («Кризис религиозного сознания в России: противоречия “православной государственности”») и К. Руссле (“Православие в сегодняшней России: к вопросу о преемственности?”), является взаимовлияние РПЦ и государства. Р.Н. Лункин отмечает тенденцию к ухудшению положения новых религиозных движений из-за активности православного лобби в государственных структурах. При этом исследователь относит начало деятельности этого лобби к периоду после присоединения Крыма и тут же в качестве примера приводит инцидент с группой *Pussy Riot*, который произошел на два года раньше (с. 47). Однако нельзя не согласиться с тем, что давление на так наз. нетрадиционные религии и на всех, чья деятельность расценивается как угроза для православия, имеет место, равно как и с тем, что это давление мотивировано идеологически, а не религиозно. Усиливая последний тезис, К. Руссле считает необходимым разделять политическую и социальную секуляризацию (с. 57), ведь РПЦ играет столь важную роль в первую очередь в силу тесной коммуникации с государством, а не с обществом. Как можно увидеть из двух завершающих раздел статей, написанных А.М. Ахуновым и Р.Р. Сафиуллиной, такое же сближение происходит между государством и мусульманскими организациями некоторых регионов России, где

со времен перестройки велась политика объединения верующих под эгидой местных духовных управлений. Предполагается, что такая политика должна защищать исламскую общину от влияния зарубежных проповедников-фундаменталистов и способствовать развитию умеренной теологии.

Второй раздел содержит большое количество информации, полученной в результате социологических опросов и интервью. Например, как показывают результаты социологических исследований Т.А. Титовой и В.Е. Козлова, большинство православных и мусульман, живущих в Татарстане, видят религиозную ситуацию стабильной и спокойной. В статье Л.В. Сагитовой демонстрируется формирование новых культурных границ в Татарстане, например, между сторонниками традиционной татарской культуры и теми, кто поддерживает заимствования из арабского мира, которые выражаются даже в таких вопросах, как женская одежда (с. 100). Напряжение возникает и между верующими и светскими людьми, которые на публичном мероприятии могут почувствовать, “что оказались в russkoyazychnoy mestnosti kakoy-nibudь Saудovskoy Aravii” (с. 101). При этом, как свидетельствуют информанты автора следующей статьи, Г.Я. Гузельбаевой, для многих жителей Татарстана неумелое влияние государства на религиозные конфессии чаще всего выглядит как нарушение принципа светскости и кажется корнем многих проблем (с. 122–124). В качестве реакции на кризисные ситуации в обществе активизируются протестные движения внутри конфессий, что демонстрируют Е.В. Кратов и Н.В. Кратова на материале из Карачаево-Черкесской Республики. Исследования показывают заметную связь между возрождением религии и подъемом национальных культур. В частности, исследование О.С. Павловой показало, что “религиозная исламская идентичность в определенном смысле является обязанностью для чеченца, показателем его лояльности своей этнической группе” (с. 164). Проблема соотношения национальной политики и возрождающейся религиозности наглядно демонстрируется и в статье А.В. Мартыненко, посвященной скандалу в селе Белозерье, где в школе ввели запрет на ношение хиджабов для учеников и преподавателей. Цитаты противников запрета из развернувшейся полемики по поводу этого события, приводимые автором, содержат многочисленные апелляции именно к конституционной формулировке о “многонациональном российском народе”, а вовсе не к федеральному закону “О свободе совести и о религиозных объединениях”. Возможные столкновения между представителями православия и ислама также могут быть связаны в первую очередь с межнациональными, а не конфессиональными противоречиями. Как свидетельствует один подмосковный информант из статьи А.О. Гуськовой: “Дело не в том, как я отношусь к исламу или к мечети. Я плохо отношусь к миграционной политике” (с. 193). В Республике Адыгея, по заключению И.Л. Бабич, большинство населения также тяготеет скорее к своим национальным культурам, нежели к исполнению религиозных предписаний.

Третий раздел можно назвать ключевым, поскольку именно он содержит тексты, посвященные непосредственно проблеме радикализма в религии. В первой статье С. Серрано описывает саму концептуализацию понятия “радикализм” во французском обществе. В силу низкой аналитической значимости этого концепта политика дерадикализации доходит до комичных предписаний особенно пристально следить за людьми с “длинной нестриженой бородой и бритыми усами” или “теряющими вес в результате частых постов” как за потенциальными террористами (с. 226). Очевидно, что эффективность такой политики будет минимальной. Следующий текст принадлежит А.А. Ярлыкапову. В нем дано пространное описание истории и структуры запрещенной в РФ организации Исламское государство. Также речь заходит и о методах вербовки в ИГ — как через интернет, так и в реальной жизни. Интересно, что А.А. Ярлыкапов видит необходимость в налаживании связей между государством и российскими неформальными объединениями мусульман, за исключением

тех, которые “приверхены экстремистским идеям вооруженной борьбы” (с. 248), в то время как С. Серрано настаивает, что попытки борьбы с радикализмом через преследование за идеи, а не за конкретные преступления не будут эффективными, т.к. непросто узнать, о чем человек думает. Можно сказать, что в пользу ее позиции выступает и Оливье Руа, который в своей статье “Французские радикалы — кто они?” описывает совершенно обычных молодых французов, иммигрантов во втором поколении, о которых никто из сторонних наблюдателей не мог бы сказать, что они являются фанатичными мусульманами (с. 259). Особенностям такого исламского направления, как салафизм, посвящен текст С. Амгара и С. Зеньяни, который может послужить хорошим введением в тему. Отдельно стоит выделить статью В.А. Шнирельмана (“Оскорблечение чувств: непредвиденные последствия одного закона”), посвященную различным группам православных активистов, стремящихся повлиять на общество и культуру в России. Хотелось бы заметить, что упоминаемое в ней движение “Божья Воля”, членов которого автор называет “боевиками” (с. 283), скорее представляло собой своего рода постмодернистский арт-проект. Как верно отмечает сам автор, среди православных активистов есть своего рода “специализации” (с. 293), и в случае “Божьей Воли” это были акции вроде публичного сжигания глобуса или разбрасывания листовок в музее Дарвина. Наконец последняя статья в сборнике за авторством А.-С. Ламин посвящена соотношению личного опыта, идеалов и степени вовлеченности в общественные практики в религиозной жизни и радикализации индивидов.

В целом сборник предоставляет большое количество материала для размышления. Особенно это касается статей, которые содержат результаты социологических исследований. Эта книга заинтересует всех, кто занимается проблемами религии в XXI в., в особенности современным христианством и исламом. Обширный раздел о религиозном радикализме также, скорее всего, привлечет внимание представителей политических и административных кругов, что, быть может, отразится в их деятельности.

Научная литература

Апполонов А. В. Наука о религии и ее постмодернистские критики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Book Review

Kutyavin, N.A. Review of *Religii i radikalizm v postsekularnom mire* [Religion and Radicalism in the Post-Secular World], edited by E.I. Filippova and J. Radvanyi. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 4, pp. 187–190. <https://doi.org/10.31857/S086954150006201-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nikita Kutyavin | <https://orcid.org/0000-0002-4244-2283> | [nikitatkutyavin@yandex.ru](mailto:nikitakutyavin@yandex.ru) | Udmurt State University (1 Universitetskaya St., Izhevsk, Udmurt Republic, 426034, Russia)